

УДК 821.133.1
ББК 83.3(4Фра)4

«ПОЭТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ»: ЕГО ИСТОЧНИКИ, СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ АЛЛЕГОРИЙ

© 2020 г. Л.В. Евдокимова

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 25 февраля 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-66-93

Подготовка статьи осуществлена при поддержке фонда развития ПСТГУ в рамках работы над проектом «Генезис литературного текста в период позднего Средневековья и раннего Нового времени: взаимодействие стилей и жанров».

Аннотация: В статье предлагается комментарий к загадочной мифологической поэме, приписывавшейся Жану Молине и Жану Роберте, где речь идет о свадьбе Зефира Флоры, на которую съезжаются античные боги. Их браку пытаются воспрепятствовать Борей, но его войска разбиты сторонниками новобрачных. Поэт предлагает понимать этот сюжет аллегорически — как сражение пороков и добродетелей. В статье показано, что образы Зефира и Флоры поэт заимствует из «Романа о Розе», где рассказ о них был частью изображения золотого века Сатурна. Создавая панегирик в честь новобрачных, он перечисляет богов, повелевающих разными частями вселенной, которых Боккаччо в его книге «О происхождении языческих богов» относил к роду Юпитера, бога Неба, и Феба. Этот пантеон он дополняет героями, отождествлявшимися в христианской традиции с добродетелями или пороками, и обращается с этой целью к «Роману о Розе» и аллегорической поэме «Морализованный Овидий». Разнохарактерные источники позволяют ему нарисовать гротескную картину свадебных торжеств, прославляя христиан — друзей Зефира и Флоры, — и иронизируя над бессилием их врагов: так, на свадебном пиру Плутон вкушает причастие. Поэма сходна с мифологическими поэмами Жана Молина, и этого поэта следует признать ее автором.

Ключевые слова: Жан Молине, Жан Роберте, аллегорическое толкование античных мифов, «О происхождении языческих богов» Боккаччо, «Морализованный Овидий».

Информация об авторе: Людмила Всеволодовна Евдокимова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, ул. Новокузнецкая, д. 23б, 115184 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-2736-0925

E-mail: ludmila.evdokimova@gmail.com

Для цитирования: Евдокимова Л.В. «Поэтическое сочинение»: его источники, смысл и значение аллегорий // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 66–93.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-66-93

DICTIER POTICAL: SOURCES, SENSE, AND THE MEANING OF ITS ALLEGORIES

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. L.V. Evdokimova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia*

Received: February 25, 2019

Date of publication: March 25, 2020

Acknowledgements: This article was prepared with the assistance of Saint Tikhon's Orthodox University development fund as part of the "Genesis of a Literary Text in the Late Middle Ages and Early Modern Period: Interaction between Styles and Genres" project.

Abstract: The article focuses on to the enigmatic mythological poem attributed to Jean Molinet and Jean Robertet which deals with the wedding of Zephyr and Flora, where the ancient gods are invited. Boreas is trying to prevent their marriage, but his troops are defeated by supporters of the newlyweds. The poet proposes to understand this story allegorically – as a battle of vices and virtues. The article shows that the poet borrows the images of Zephyr and Flora from the *Roman de la Rose*, where their story was part of the golden age of Saturn. Composing a panegyric in honor of the newlyweds, he lists the gods who command different parts of the universe, that Boccaccio, in the *Genealogie deorum gentilium*, attributed to the lineage of Jupiter, god of Heaven, and Phoebus. Turning to the allegorical poem *Ovide moralisé* and the *Roman de la Rose*, he completes the assembly of gods with heroes of myths who in Christian tradition were related to virtues, vices, or Christ. Diverse sources allow him to draw a grotesque picture of wedding celebrations, glorifying Christians – friends of Zephyr and Flora – and speaking ironically about the powerlessness of their enemies: at the wedding feast, Pluto partakes of the sacrament. The poem is similar to the mythological poems of Jean Molinet who should be recognized as its author.

Keywords: *Dictier poétique*, Jean Molinet, Jean Robertet, allegorical interpretation of ancient myths, *Genealogie deorum gentilium*, *Ovide moralisé*.

Information about the author: Ludmila V. Evdokimova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor, Saint Tikhon's Orthodox University, Novokuznetskaya St. 23b, 115184 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0002-2736-0925

E-mail: ludmila.evdokimova@gmail.com

For citation: Evdokimova L.V. Dictier potical: Sources, Sense, and the Meaning of its Allegories. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 1, pp. 66–93. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-66-93

«Поэтическое сочинение» («Dictier poétique»), поэма, близкая к двойной балладе (восемь строф с рефреном), загадочна во многих отношениях. Вызывает вопросы ее авторство: Ноэль Дюпир включил ее в собрание сочинений Жана Молине (1435–1507); позднее Маргарет Зуппан обнаружила ее в рукописях Жана Роберте (1420? – 1502?) и приписала ему¹. Загадочно и ее содержание: она насыщена мифологическими именами, причем среди них наряду с широко известными встречаются и экзотические (например, *Dorida*, которое заменяет принятое имя этой дочери Океана — *Doris*). Действия персонажей складываются в сюжет: боги собираются на свадьбу Зефира и Флоры, но, когда новобрачные находятся в храме, в действие вмешивается Борей, возглавляющий силы ада. Он объявляет, что «уже сватал Флору» [15, t. 2, p. 715, v. 43–44]² и пытается помешать ее браку. Другие боги вступают в сражение с Бореем и его войсками и побеждают их. Шестая и седьмая строфы рисуют свадебный пир и бал; последняя дает комментарий к мифологическому рассказу: в моральном смысле под Зефиром следует понимать Христа, под Флорой — человеческую душу, под Бореем и его при-

1 Ср. ее диссертацию [7, p. 100, p. 342–349], позднее опубликованную [16, p. 44–45, 95–101]. Помимо свидетельства рукописей, М. Зуппан ссылается на обыкновение Молине добавлять морализацию к произведениям других авторов, упоминая «Роман о Розе», а также на особенности версификации этого стихотворения, не содержащего сложные виды рифм (например, «двусмысленные»). За исключением «Романа о Розе», мы не знаем никакого иного произведения, к которому Молине «добавил» морализацию; напротив, «Поэтическое сочинение», как мы убедимся, теснейшим образом связано с этим романом. Заметим также, что Молине далеко не во всех случаях использовал сложные виды рифмовки. Аргументация М. Зуппан не кажется нам убедительной.

2 Мы следуем изданию Дюпира, кроме специально оговоренных случаев. Между текстами Дюпира и Зуппан есть расхождения; ниже мы остановимся на важнейшем из них.

сными — дьявола и пороков, под остальными богами — добродетелей. Этот комментарий в соединении с изложенным сюжетом еще больше затрудняет понимание поэмы, поскольку среди добродетелей оказываются герои, имеющие отрицательные коннотации.

Из-за своей темноты поэма почти не привлекала внимания исследователей. Ноэль Дюпир не сопроводил ее комментарием. По выводам М. Зуппан, главными источниками поэта были «Метаморфозы» и трактат Боккаччо «О происхождении языческих богов». Поэма «Морализованный Овидий» (между 1317 и 1328 гг.), считает она, никакого влияния на автора не оказала, и связь с ней ощущается лишь в последней строфе, которая могла быть сочинена позднее Молине [16, р. 73]. Впрочем, замечания М. Зуппан об источниках мифологических имен (нередко неточные) не объясняют смысла поэмы: в самом деле, чем мотивирован выбор персонажей, включенных сюда? Что хотел сказать поэт, создавая этот ученый перечень имен?

На наш взгляд, пристальное изучение источников показывает, что поэт был обязан «Морализованному Овидию» существенно больше, чем полагает М. Зуппан; он вдохновлялся также «Романом о Розе». В его произведении знакомство с книгой Боккаччо, латинскими оригиналами «Метаморфоз» и, быть может, «Энеиды» накладывается на аллегорическое прочтение античных мифов, отразившееся, в частности, в «Морализованном Овидии» (впрочем, аллегоризму, как известно, и Боккаччо не был вполне чужд).

На рубеже XIV и XV вв. и далее в XV в. французские авторы нередко включали в свои произведения многозначные аллегорические образы; в последней строфе наш поэт, кем бы он ни был, раскрывает смысл своей аллегории лишь в общем виде, почти не комментируя значение ее слагаемых и специально оставляя читателя наедине с загадкой. Намеренная темнота присуща и другим аллегорическим поэмам эпохи позднего Средневековья; они встречаются у Эсташа Дешана, Кристины Пизанской, но особенно часто у Жана Молине.

Обращение к разнохарактерным источникам формирует пантеон богов, представленный в поэме; мы увидим, что состав его далеко не случаен. Ассоциативные связи между мифологическими фигурами и идеями, с которыми они соединялись в источниках, открывают смысл многих темных стихов этой поэмы, помогают объяснить их последовательность. Они позволяют также понять, по какой причине одни персонажи восприни-

мались как добродетели, другие — как пороки. Этот анализ поможет нам высказать предположения о смысле поэмы и ее вероятном авторе.

Зефир и Флора

Образы Зефира и Флоры восходят не к трактату Боккаччо, как предполагала М. Зуппан, но, по всей вероятности, к «Роману о Розе» (ст. 8407–8434) — рассказу о золотом веке. Боккаччо уделяет Зефиру и Флоре лишь несколько строк [6, lib. IV, cap. LXI, p. 217], тогда как в «Романе о Розе» им отведен относительно длинный пассаж, причем здесь упоминаются те же действия героев, которые важны и для нашего поэта. Зефир и Флора, пишет Жан де Мен, наделяют красками цветы:

Zephirus et Flora sa fame

<...>

Cil dui font les floretes naistre;

Fleurs ne connoissent autre maistre,

Car par tout le monde semant

Les vont cil et cele ensemant,

Et les forment et les coulourent

Des colours dont les flors honnourent

Puceles et vallez proisiez

De biaux chapelez renvoisiez,

Pour l'amour des fins amouereus [9, p. 506-507, v. 8415; 8417–8425].

Зефир и его жена Флора

<...>

Вдвоем дают рождение цветам;

Цветы не знают других хозяев,

Зефир и Флора, путешествуя вдвоем

По всему миру, рассыпают семена,

Взрачивают цветы и расцвечивают их

Разными красками, и разноцветные цветы воздают почести

Девицам и достойным молодым людям,

Украшая их венками

За чистую любовь.

В «Поэтическом сочинении» «Зефир <...> ждет весны, /<...>/ Чтобы украсить прелестный цветок» («Zephirus <...> le printemps aguette /<...>/ Pour decorer la joieuse florette» [15, p. 714, v. 10; 12]); далее рефрен «Чтобы украсить прелестный цветок» повторяется после всех строф. Как мы убедимся далее, связь этих божеств с золотым веком, на которую указывает «Роман о Розе», была в высшей степени значима для нашего поэта.

Отметим, кроме того, что двое этих богов неоднократно встречаются в произведениях Молине, в том числе в его «Морализованном романе о Розе». В это аллегорическое переложение романа входит толкование Зефира как «ветра проповеди», благодаря которому рождаются «благородные цветы добродетелей»; Зефиру противодействует северный ветер, грозящий им гибелью³. И этот аллегорический сюжет, и его толкование близки к тому, о чем рассказывает «Поэтическое сочинение».

Боги на свадьбе Зефира и Флоры

Чтение «Поэтического сочинения» убеждает в том, что боги и герои, съезжающиеся на свадьбу, распределены по категориям: в первой строфе в основном собраны главные боги, вторая группирует водных божеств, третья — тех, кто связан со светилами. Присутствие на свадьбе богов, повелевающих разными частями вселенной, кажется подобающим панегирику. В то же время этот план в диффузном виде воспроизводит план некоторых книг Боккаччо, который, напомним, пытался систематизировать совокупность античных мифов, сводя их героев в крайне разветвленное генеалогическое древо⁴. Первая строфа нашей поэмы в известной мере отражает состав второй книги Боккаччо, где говорится о Юпитере, боге Неба, и его потомках (как известно, Боккаччо, вслед за Цицероном и некоторыми позднейшими авторами, противопоставлял богов, носящих одно и то же имя, как их разные инкарнации).

3 «Et quant Zephirus le tresdoux vent de predication desgorge ses douces allaines les belles florettes, c'est a entendre les nobles vertus des devotz personnages, sont veues comme estoilles sintillans. Et par ung contraire quant le tresdure vent bise ennemy de l'humain lignage evomit ses horribles ventositez, il deflore et defait et adnichile herbettes et verdure des gracieux flourons» [13, f. xlviij, chap. xxx]. — «Когда Зефир, мягкий ветер проповеди, сладко вздыхает, прекрасные цветы, сиречь благородные добродетели благочестивых людей, кажутся сияющими звездами. И напротив, когда сильный северный ветер, враг человеческого рода, извергает свое суровое дыхание, он обрывает с цветов лепестки, уничтожает и губит травы, растительность и милые цветочки».

4 О замысле Боккаччо и некоторых источниках его книги см., в частности: [18].

В первой строфе среди гостей на свадьбе Зефира и Флоры названы Юпитер, Меркурий, Паллада, Юнона, Вулкан, «Европа, сестра Кадма» (ст. 7), Майя и Каллисто⁵. Боккаччо, со своей стороны, относит к роду Юпитера первого, бога Неба, Минерву, Меркурия, Европу и ее брата Кадма (как и других мифологических персонажей, которых мы не упоминаем). Присутствие Европы и Кадма, отдаленных потомков Юпитера первого, в первой строфе поэмы убеждает в том, что поэт в известной степени ориентировался на представления о родстве между ними, которые изучал Боккаччо.

В то же время очевидно, что он на свой лад дополнял «семью» Юпитера, черпая материал из разных книг. Так, он упоминает Сатурна, надо думать, как отца Юпитера, а также Юнону — его жену. Слова о Сатурне, который удалился в «верхние пределы» (ст. 1–2), открывающие эту строфу, могут быть отсылкой к стихам «Энеиды» [26, р. 241, lib. VIII, v. 319; 324–326], где говорится о золотом веке⁶:

Primus ab aetherio venit Saturnus Olympo

<...>

Aurea quae perhibent illo sub rege fuere
Saecula: sic placida populos in pace regebat,
Deterior donec paulatim ac decolor aetas
<...> successit ...

Первым пришел к нам Сатурн с высот
эфирных Олимпа,

<...>

Век, когда правил Сатурн, золотым
именуется ныне:
Мирно и кротко царил над народами бог, —
но на смену
Худший век наступил...

(пер. С. Ошерова

под ред. Ф. Петровского [1, с. 295])

5 Приводим первую строфу «Поэтического сочинения», сопровождая ее нашим подстрочным переводом: (I) 1. «En regardant la beaulté de Venus, / Au hault manoir ou Saturne est allé, / Veis Jupiter, le hault dieu de lassus / 4. Venir cha jus, au mont de Chibellé; / Puis a Mercure et Pallas appellé, / Juno, Maïa, Calisto, Vulcanus / Et Europa, la belle seur Cadmus / 8. Pour commenchie le noble mariage, / Sans mention d'aucun concubinage, / De Zephirus, qui le prinstepts aguette, / Et de Flora, dame de hault parage / 12. Pour decorer la joieuse florette». — 1. «Взирая на красоту Венеры, / В верхних пределах, куда удалился Сатурн, / Узрел Юпитера, верховного бога, / 4. Спускающегося вниз, на гору Кибелы, / Увидел, как он призвал Меркурия и Палладу, / Юнону, Майю, Каллисто, Вулкана, / И Европу, прекрасную сестру Кадма, / 8. Желая приступить к заключению благородного брака, / Который не предполагает незаконное сожительство, / Между Зефиром, ждущим весну, / И Флорой, дамой высокого рода, / 12. Чтобы украсить прелестный цветок».

6 М. Зуппан усматривает здесь отсылку к стихам «Метаморфоз» [22, lib. I, p. 5, v. 163, 167–172], где говорится о Сатурне, который, узрев нечестие людей, созывает богов на совет [16, р. 78, прим. 3, р. 96, прим. 5]. Эти стихи не обладают сходством со ст. 1–8 «Поэтического сочинения», где Сатурн удаляется в «верхние пределы», богов созывает Юпитер, речь идет не о совете, но о бракосочетании; кроме того, в этих стихах «Метаморфоз» нет перечня богов. — Боккаччо цитирует в главе, посвященной Сатурну, указанные стихи «Энеиды» [6, lib. VIII, cap. I, p. 390].

Словосочетание «верхние пределы» («*hault manoir*») соответствуют, на наш взгляд, «эфирным высотам Олимпа» («*aetherio... Olymпо*») у Вергилия. Поэт, объявляя об удалении Сатурна, констатирует окончание золотого века, надежда на восстановление которого воскресает в связи с Венерой, богиней любви, и вместе с явлением Юпитера, верховного бога, под покровительством которого на священной горе Кибелы должна состояться свадьба Зефира и Флоры. Напомним, что в «Романе о Розе», откуда автор «Поэтического сочинения» заимствовал фигуры Зефира и Флоры, рассказ о них был частью описания «золотого века».

Гора Кибелы, на которую направляется Юпитер, упоминается в этом контексте как место свершения таинств, в связи с предстоящим браком героев (v. 3–4). Хотя о самой Кибеле говорится в «Метаморфозах», у Боккаччо и в «Морализованном Овидии», там нет речи о ее горе⁷. О ней сообщает Джованни Тортелли, ссылаясь при этом на Сервия, в своей «Книге грамматических комментариев о правописании слов греческого происхождения» (1451), одном из ранних мифологических словарей гуманистической эпохи.

Hanc Servius super III Æneidos dixit Saturni fuisse uxorem et prius dictam Opem sed a Cybelen monte Phrygiae Cybelen cognominatam. Nam in eo monte illius sacra primitus fuerunt instituta et successive plurimum honorata [25, пагинация отсутствует].

Как сказал Сервий в комментарии к третьей книге Энеиды, она была супругой Сатурна, ранее названной Опой и затем прозванной Кибелой, по названию горы во Фригии — Кибелы. Ведь на той горе были ранее всего устроены таинства в ее честь и затем постоянно многократно повторялись.

Этот словарь мог быть известен автору «Поэтического сочинения», если только не предположить, что он познакомился с комментарием Сервия, читая «Энеиду».

Юнона названа среди гостей на свадьбе не только как жена Юпитера, но еще и потому, что она покровительствует браку, о чем пишет, в частности, Боккаччо [6, lib. IX, cap. I, p. 436]; как отмечает поэт, боги собираются торжествовать «благородный брак» (ст. 8); любопытно замечание Боккаччо:

⁷ См. [16, p. 96, прим. 1] со ссылкой на X, XI и XIV книги «Метаморфоз». Ср., кроме того: [21, t. 1, liv. I, p. 72, v. 513–514; 523–526]; [6, lib. X, cap. LVII, p. 525], где речь идет о роше Кибелы, а также [6, lib. IV, cap. 48, p. 223], где о богине говорится в связи с гигантами.

Юнона заботится о приданом невест — оно могло быть значимым для автора поэмы, если полагать, что она в аллегорической форме намекала на некое реальное бракосочетание [6, lib. IX, cap. I, p. 438]. Юнона считалась также покровительницей власти и богатств — значения, о которых сообщает и Боккаччо, и другие тексты [6, lib. IX, cap. I, p. 439–440]⁸, однако эти коннотации наш поэт, вероятно, приписывает другой богине — Майе, упоминание которой он также добавил в эту строфу.

Боккаччо рассказывает о ней в четвертой книге «О Происхождении» как о матери Меркурия [6, cap. 35, p. 193]⁹, и можно предположить, что это «родство» мотивирует в глазах поэта появление Майи среди родни Юпитера первого. В этой главе Майя названа символом богатства и земли; важно отметить, что в «Морализованном Овидии» Майя не упоминается, поэт мог узнать о ней либо из книги Боккаччо, либо из некоторых других латинских сочинений (например, книги уже упомянутого Тортелли). В этой же строфе оказывается и Вулкан, видимо, поскольку в одной из глав 3 книги Боккаччо он назван сыном Юпитера и Минервы (поэт смешивает, конечно, разнообразные воплощения этих богов, которые Боккаччо пытался противопоставить)¹⁰.

Наконец, в этой же первой строфе читатель встречается и Каллисто. Эта героиня попала сюда, так как была одной из возлюбленных Юпитера и матерью его сына Аркада. Однако выбор автора дополнительно мотивирован, мы полагаем, трактовкой образа Каллисто в «Морализованном Овидии». В «Метаморфозах» последние дни Каллисто драматичны: сын Аркад приходит в ужас от вида матери и уже готов было поразить медведицу стрелой, но Юпитер спасает ее, забирая на небо. Автор «Морализованного Овидия» трансформирует конец мифа: сын Аркад, встретивший мать, которая стала блудницей, хотел ее убить, но, подумав, что не следует поднимать на нее руку, сдержался и обнял ее. Она стала праведницей, подавая пример другим; именно за это и была взята на небо Юпитером:

8 Ср. также: [21, t. 1, livre I, p. 149, v. 4108–4114].

9 Согласно М. Зуппан, поэт узнал имя Майи из кн. 12, cap. 70 [16, p. 96, прим. 2]. Однако в этой главе (как, впрочем, и в гл. 72 той же книги) Майя — второстепенный персонаж, о котором речь заходит в связи с главными героями — соответственно Меркурием и Вулканом.

10 Ср. [6, lib. III, cap. XVIII, p. 137], где речь идет о Вулкане, сыне Юпитера первого; [6, lib. XII, cap. LXX, p. 622–625], где Боккаччо повторяет сведения о Вулкане, который здесь оказывается сыном Юпитера третьего.

... de sa mere s'aprocha,
Et vers soi l'a reconcilie,
Si la retrait de sa folie.
Jupiter la stelefa:
El fu sage et se chastia,
Si lessa sa mauvese vie:
Ains puis n'ot de pechier envie,
Ains vesqui bien et netement,
Et par son bon contentement
Dona bon exemple de vivre
A ceulz qui la vouldrent ensivre,
Et de deservir paradis.
Pour ce faint la fable jadis
Qu'el fu en estoile muee,
Qui encore est «Ourse» apelee [21, t. 1, livre 1, v. 1900–1914].

Подошел к матери
И примирился с ней,
Заставил ее отказаться от неразумной жизни,
Юпитер сделал ее звездой.
Она стала мудрой и исправилась,
Оставила дурную жизнь
И с тех пор более не имела желания грешить,
Но жила хорошо и честно,
И своей умеренностью
Подавала пример добронравия
Тем, кто хотел ей следовать
И заслужить рай.
Потому-то древняя басня и сказывает,
Что она была превращена в звезду,
Которую и сегодня мы называем Медведицей.

Эта концовка сближает Каллисто со святой, подобной Марии Египетской, и объясняет возможность ее включения в череду благих богов-аллегорий, которые присутствуют на свадьбе. Не исключено, что и упоминание

Кадма как брата Европы дополнительно мотивировано текстом той же аллегорической поэмы. В «Морализованном Овидии» Кадм назван мудрецом, знатоком философии и наук, изобретателем письменности. Приписывая Кадму изобретение греческих букв, автор «Морализованного Овидия» транслирует легенду, заимствованную у Арнульфа Орлеанского [10, 207–208], но восходящую к Гигину [12, миф 277] и Диодору Сицилийскому (кн. 3, гл. 67).

Сходным образом и состав 4 книги «О Происхождении» (Феб и его потомки) смутно просматривается в композиции третьей строфы «Поэтического сочинения», где названы божества, так или иначе связанные с Фебом¹¹. В этой книге, в главе 3, содержится рассказ о Фебе, боге Солнца, включающий пространные цитаты из «Метаморфоз», среди которых и цитата о его повозке; «серебряная повозка» Феба («chariot d'argent», v. 26), отголосок этого описания, упоминается в этой же строфе поэмы; здесь же говорится и о Фебе — Луне.

Контуры книги Боккаччо отражаются здесь, как и в первом случае, диффузным образом. Автор добавляет сюда некоторых членов «семьи» Феба, о которых Боккаччо не пишет: его жену Климену, их сына Фазтона, любовницу Феба Корониду. Со своей стороны Боккаччо в 4 книге лишь мимоходом упоминает Климену, обходит молчанием Корониду (в высшей степени показательно, что Боккаччо в 5 книге вообще оспаривает, что Коронида была любовницей Феба¹²), тогда как Фазтон помещен у него в другую книгу, поскольку вследствие генеалогических изысканий оказывается потомком Океана [6, lib. 7, cap. 41, p. 369–372].

11 Приводим третью строфу с переводом: (III) «Phebus, sachant le jour de l'espousaige. / Fist preparer son chariot d'argent, / Puis amena Climene, la tres saige / 28. Et Coronis, son amie au corps gent, / Pallas, Dido, des dames plus de cent / Et Phaeton, qui le charroy conduit; / Phebé, la belle, y vint, quand il fut nuit / 32. Pour esclarier la noble charretee; / Zephirus prest et Flora preparee / Vindrent au temple offrir une aloette; / Dessus l'autel alors fut espousee, / 36. Pour decorer la joieuse flourette». — «Феб, зная о дне свадьбы, / Велел приготовить свою серебряную повозку, / Потом привел премудрую Климену / 28. И Корониду свою подругу, весьма хорошо сложенную, / Палладу, Дидону и более сотни дам, / И Фазтона, который правил повозкой; / Когда наступила ночь, пришла красавица Феба, / 32. Чтобы освещать благородную повозку, / Зефир готов, и Флора готова, / Пришли в храм принести в жертву жаворонка. / Новобрачная стояла у алтаря, / 36. Чтобы украсить прелестный цветок».

12 «Sane Theodontius negat Apollinem dilexisse Coronidem, et ex eo Esculapium fuisse conceptum...» [6, lib. 5, cap. 19, p. 252]. — «Теодонций справедливо отрицает, что Аполлон любил Корониду и что Эскулап был зачат от него...». Ниже в противоречии с этими сведениями он все же помещает краткую главу о Корониде, где сообщает, что она была соблазнена Аполлоном и родила Эскулапа [6, lib. 9, cap. 36, p. 468].

Поэт расширяет на свой лад перечень родни Феба, выстраивая своего рода семью, но не генеалогическое древо. При этом он обращается к «Морализованному Овидию» — так, здесь Феб ведет на бракосочетание героев «премудрую» Климену («la tres saige», v. 27). Овидий не наделяет эту возлюбленную Феба такой характеристикой [22, lib. II, p. 31, v. 333–339]. Этот эпитет сообщает автор «Морализованного Овидия» в комментарии к концовке эпизода, где говорится о превращении дочерей Климены — Гелиад, в тополя, роняющие слезы, — превращение, уверяет он, свидетельствует об их мудрости, смирении и отказе от гордыни:

Les Helyades furent
Suers Pheton, et trop se dolurent
Dou grant meschiet qui li avint.
Sages furent, si lor souvint
De sa mort, si se chastierent
<...>
Quar cuers orent ferme et estable
De manoir en humilité...[21, t. 1, livre 2, p. 197, v. 1155–1162; 1167–1168]¹³

Гелиады были
Сестрами Фазтона и сильно горевали
О несчастье, которое с ним случилось.
Они были мудрыми, не забывали
О его смерти, сокрушались...
<...>
Ибо в сердце своем решили твердо и непреложно
Всегда оставаться смиренными...

Поэт также отдает предпочтение Корониде, надо думать, из-за аллегорического значения, которое ей сообщает «Морализованный Овидий». Толкуя концовку мифа, согласно которой Феб поражает стрелой неверную Корониду, но спасает из ее чрева своего сына Эскулапа, автор

13 Ср. у Боккаччо главу, посвященную Климене, дочери Океана, матери Фазтона [6, lib. 7, cap. 6, p. 340–341]; однако Боккаччо не упоминает о мудрости Гелиад и не излагает миф об их превращении в деревья.

«Морализованного Овидия» отождествляет Феба с божественной премудростью, а Корониду — с душой, которую премудрость освобождает от грехов и ценит за плод, зачатый в любви к ней [21, t. 1, livre 2, p. 226, v. 2549–2558], — присутствие Корониды среди благих добродетелей оказывается объяснимым. Очевидно, что хоть автор нашей поэмы и имел представление о плане книги Боккаччо и содержании некоторых ее глав, он не читал ее подряд и при упоминании многих персонажей обращался к «Морализованному Овидию»¹⁴.

Вторая строфа «Поэтического сочинения» объединяет богов водной стихии (Фетиду, Нептуна, Тритона, Нота, Дориду — Dorida, а также Девкалиона и Пирру) и не соотносится с планом, которому следует Боккаччо при рассказе о них¹⁵. У последнего вообще нет единой книги, посвященной водным богам: согласно его концепции, все они относятся к разным ветвям генеалогического древа.

Часть персонажей попала в поэму из латинского текста «Метаморфоз» или книги Боккаччо, который приводит соответствующие цитаты из Овидия. Поэт упоминает Нота с его «бородой дождей» («a la barbe de pluie», v. 19). Эпитет восходит к тексту «Метаморфоз» («barba gravis nimbis», I, v. 266; «влагой брада тяжела»), и Боккаччо интегрирует его в главу о Ноте [6, lib. 4, cap. 56, p. 212]. Имя Дориды (Dorida), как указывает падеж, в котором оно стоит, поэт

14 Поэт вводит в эту строфу также Палладу и Дидону, которые у Боккаччо соединены родственными связями с другими богами. У последнего Дидона относится к роду Юпитера, бога Неба. В отличие от автора «Морализованного Овидия», Боккаччо называет Дидону «прославленным цветом женской стыдливости» («Dydo precipuum matronalis pudicitie decus» [6, lib. 2, cap. 60, p. 106]). Он спорит с Вергилием и, ссылаясь на Юстина, уверяет, что Дидона покончила с собой не из-за любви, но желая спасти Карфаген [5, с. 146]. Возможно, положительные коннотации, с которыми соединяется имя Дидоны у Боккаччо, оказали влияние на нашего поэта, хотя остается неясным, по какой причине он упомянул ее среди богов, воплощающих светила.

15 Приводим вторую строфу с переводом: (II) «Neptunus fist preparer ses galees / Voellant servir la pucelle benigne, / Triton, herault, assembla par navees / 16. Les deesses au son de la buisine; / Lors vint Tethis, la deesse marine, / Deucalion et Pirra, son amie, / Nothus les sieut, a la barbe de pluie / 20. Qui arrousa les deesses haultaines, / Tant que les nefes des undes furent plaines; / Mais, en venant, Dieu scet quel chansonnette / Fist Dorida chanter a ses seraines, / 24. Pour decorer la joieuse florette». — «Нептун велел приготовить свои галеры, / Чтобы почтить благу деву, / Герольд Тритон, вострубив в рог, / 16. Призвал богинь на свои корабли; / Пришли Фетида, морская богиня, / Девкалион и его подруга Пирра, / За ними следовал Нот с бородой дождей, / 20. Оросивших высоких богинь так, / Что корабли наполнились влагой. / Тут явилась Дориды, повелевшая своим сиренам / Спеть некую песенку, / 24. Чтобы украсить прелестный цветок».

узнал из тех же книг, приняв при этом аккузатив за именительный падеж; сам Овидий порой использует имя Океаниды в аккузативе: «волна владеет /<...>/ Доридой и ее дочерьми» («habet unda /<...>/ Doridaque et natas» [22, lib. 2, p. 22, v. 8; 11]), и Боккаччо также включает этот стих Овидия в свой рассказ о богине [6, lib. 4, cap. 3, p. 158]¹⁶. Любопытно, что Боккаччо не относил Океаниду к сиренам, последним он уделил отдельную главу [6, lib. 7, cap. 20, p. 354–357]¹⁷. В «Морализованном Овидии», напротив, Дорида и ее дочери предстают как сирены; сиреной она оказывается и в «Поэтическом сочинении», приказывая «своим сиренам» спеть песенку (v. 22–23). Возможно, образ этой богини в поэме сложился под действием «Морализованного Овидия»; имя же ее намеренно отсылает к латинской эрудиции¹⁸.

Девкалион и Пирра пополнили число водных богов, по-видимому, под преимущественным влиянием «Морализованного Овидия». В этой поэме, как и в «Метаморфозах», о них рассказывается в связи со Всемирным потоком, и они представлены как праведники. Однако в «Морализованном Овидии» их благие свойства акцентированы: Девкалион назван здесь человеком «богобоязненным, / не совершившим ни ошибки, ни проступка» («ne commet ni fautes, ni crimes, / Et est plein de la crainte de Dieu», v. 2272–2273); он соединяется с Пиррой как с «чистой любовью» («a vrai amour» [21, t. 1, livre 1, p. 110–111, v. 2274]). Автор «Морализованного Овидия» усиливает также ассоциации между этой четой и обилием чад [21, t. 1, livre 1, p. 107–108, v. 2159–2184], уместные в поэме, посвященной новобрачным.

Обитатели ада

Из «Романа о Розе» взято немало спутников Борея — обитателей ада (строфы 4 и 5): помимо самого Борея, здесь названы Тантал, Искион,

16 Ошибку поэта отмечает Ф. Жуковский [17, p. 287, прим. 8]. В других случаях Боккаччо использует имя *Doris* в именительном падеже. В этой же форме имя Океаниды встречается и в «Морализованном Овидии» [21, t. 1, livre 2, p. 173, v. 28–32].

17 Ср., кроме того, главы о Дориде у Боккаччо, где она ассоциируется с горечью морской воды [6, lib. 3, cap. 3, p. 122–123; lib. 7, cap. 8, p. 342–343], — сведения, которые не оставляют никакого следа в «Поэтическом сочинении».

18 Стихи о Нептуне, который готовит свои галеры (ст. 13–14), быть может, подсказаны Боккаччо, который называет его покровителем моряков [6, lib. 5, cap. 48, p. 284]. Стихи о Тритоне, который трубит в рог (ст. 15–16), напоминают и о «Морализованном Овидии», и о книге Боккаччо, где бог именуется точно так же [21, livre 2, p. 173, v. 24]; [6, lib. 7, cap. 7, p. 341].

Титий, Цербер, Прозерпина, Плутон, а также Аглавра¹⁹. В «Романе о Розе» пассаж, посвященный адским мукам, которым подвергается грешник в аду, включает имена Тантала, Иксиона, Тития, Сизифа и Данаид с подобающими им муками и атрибутами (v. 19280–19312)²⁰. В свою очередь Жан де Мен заимствовал рассказ о них из «Утешения Философией» Боэция (книга III, метр 12) — ему, как известно, принадлежит прозаический, весьма близкий к оригиналу перевод этой книги. Этот список грешников оказал несомненное влияние на описание ада в рассказе о спуске Орфея в Аид из «Морализованного Овидия». Здесь названы те же жители Аида, что и у Жана де Мена (Тантал, Иксион, Сизиф, Титий, Данаиды), и сами их характеристики во многом близки к «Роману о Розе» [21, t. 4, p. 13, v. 106–110; p. 18–19, v. 295–328; 341–352; p. 19–20, v. 361–372]. В отличие от Жана де Мена, автор «Морализованного Овидия» соотносит каждого персонажа с определенным пороком.

В нашей поэме Борей направляется за солдатами «туда, где живет Тантал» (ст. 39–40). Иксион упомянут вместе со своим традиционным

19 Приводим эти строфы с переводом: (IV) «Quand Boreas, redouté et cremus, / Sceut que Flora se devoit marier, / Print son chemin vers l'hostel Tantalus / 40. Querans sauldars pour y remedier; / Dont Ixion vault sa roe appointier, / Pour tourmenter l'espeuse bienheuree; / Car Boreas sy l'avoit fiancee / 44. Comme il disoit, par juste mariage; / Les infernaux, fort meus de malle rage, / Pour le ravir, ont leur bataille attraitte / Contre tous ceux qui ont mis leur corage / 48. Pour decorer la joieuse florette. (V.) Lors fut Pluto de bataillier en soing / Et Proserpine, a la face enfumee; / Ticius vint, son ostoir sur son poing, / 52. Et Aglaros, l'envieuse dannee; / Puis Cerberus y vint a gueulle bee, / Pour engloutir Flora, la noble espeuse, / En la prison obfusque et tenebreuse / 56. Dont Boreas moult se corrobora, / Cuidant forcher la joieuse Flora; / Mais Zephirus, d'une seule croizette, / Le mit a mort et sy le perfora, / 60. Pour decorer la joieuse florette». — (IV) «Когда страшный и ужасный Борей / Узнал, что Флора должна выйти замуж, / Направился за солдатами / 40. К месту, где живет Тантал, чтобы этому противостоять. / Тут Иксион приготовил свое колесо, / Чтобы истязать счастливую супругу. / Ведь Борей говорил, что уже сватал Флору, / 44. Предлагая ей законный брак. / Чтобы ее похитить, обитатели ада, / Движимые сильной злобой, вступили в сражение, / С теми, кто всем сердцем стремился к тому, / 48. Чтобы украсить прелестный цветок. (V) Тогда Плутон приготовился к битве / И Прозерпина с черным ликом; / Пришел Титий с соколом на руке / 52. И Аглавра, осужденная за зависть, / Явился и Цербер с разверстой пастью, / Чтобы проглотить благородную супругу / И отправить ее в темный и мрачный плен, / 56. О чем весьма старался Борей, / Желавший подчинить себе прелестную Флору. / Но Зефир одной лишь рукою / Пронзил его и убил, / 60. Чтобы украсить прелестный цветок».

20 О некоторых из этих персонажей повествует и Боккаччо; ср., в частности, главу о Тантале, где он вслед за Фульгенцием называет его воплощением скупости [6, lib. 12, cap. 1, p. 579]. Однако у Боккаччо эти обитатели ада разнесены по разным книгам, тогда как автор «Поэтического сочинения» упоминает их вместе, следуя «Роману о Розе».

атрибутом — колесом; коршун, атрибут Тития, из инструмента пытки, как отметила М. Зуппан, превращается в охотничьего, размещаясь на плече или руке персонажа (в зависимости от текста), — поэт иронически подчеркивает сходство этого героя с придворным [16, p. 99, прим. 1]. Отождествления персонажей с пороками здесь нет; по всей видимости, поэт почерпнул сведения о них непосредственно из «Романа о Розе»; если думать, что этим поэтом был Молине, текст его был ему превосходно известен.

Это сообщество дополняется в «Поэтическом сочинении» другими героями, заимствованными из «Морализованного Овидия». В высшей степени показательно, что среди сторонников адских сил упомянута «осужденная за зависть» Аглавра (ст. 52). Не вызывает сомнения, что она попала сюда из этой аллегорической поэмы (у Боккаччо ее нет), и ее упоминание свидетельствует об интересе поэта к моральному значению, с каким соединялись герои мифов. Автор «Морализованного Овидия», излагая историю Аглавры, одной из дочерей Кекропа, как обычно, добавляет толкования, и порок зависти — через фигуру Люцифера — прямо связывается с адом:

Cil Dieus dont vient toute bonté
 Fist angle, et par sa volenté
 L'empli de toute bone teche,
 Mes Envie, qui faulz cuers seche,
 En lui nasqui <...>
 Dieus <...>
 fist tresbuchier l'envieus
 De son paradis glorieus
 En la tenebreuse obcurté
 D'enfer, plain de maleürté.
 La demore Envie et la maint

[21, t. 1, livre 2, p. 266–267, v. 4481–4485; 4489–4495]²¹.

21 Цербер, Прозерпина и Плутон, возможно, взяты из рассказа о спуске Тезея и Пирифоя в Аид, входящего в «Морализованный Овидий». Ср. [21, t. 3, livre 7, p. 55–64, v. 1681–2069]: описываются Цербер, Плутон, упоминаются Харон, Прозерпина.

Бог, источник всего благого,
 Создал ангела
 И своей волей
 Наделил его благой сущностью.
 Но в нем родилась Зависть,
 Которая точит лживые сердца.
 <...>
 Бог <...>
 низверг завистника
 Из своего славного рая
 В темную мглу ада,
 Полную страданий.
 Там живет Зависть и там остается.

Пир и бал

В строфах, посвященных балу и пиру, поэт, используя Боккаччо, не раз обращается и к «Морализованному Овидию», обыгрывая различные аллегорические и вербальные значения. Ирония, сквозящая порой в поэме, принимает здесь яркие формы, и античные образы кажутся гротескными²².

22 Приводим эти строфы с переводом: (VI) «Pluto cachiet dedens sa barbaquenne / On fist diner de blanc pain et de vin; / Le roi Midas, a grans oreilles d'asne / 64. Convertissoit son mengier en or fin, / Le roi Bacchus, couronné de roisin, / Aux nopces fut tres haultement servis; / Alors Leda crocqua ses oeufz couvis / 68. Des quatre enfans, qui orent grand renom; / Le disner fait, chascun fist s'oroison, / Rendant graces de ce que Dieu leur preste / A l'image que fit Pigmalion, / 72. Pour decorer la joieuse florette. (VII) Piramus vint, pour danser a la feste, / Accompaigniet de la belle Tisbee, / Et auprès d'eux, Corvus, la noire beste / 76. Menoit Cornix, le blancque emmantelee; / Jason menoit l'amoureuse Medee; / Noctimene, la honteuse hullotte, / Voloit chanter et se n'y sçavoit note / 80. Mais Apollo, de sa harpe nouvelle, / Une chanson leur jua, Dieu scet quelle, / Tandis que Pan souffloit en sa musette / Et que Orpheüs accordoit sa vielle, / 84. Pour decorer la joieuse florette». — (VI) «Плутона, находящегося в барбакане, / Накормили на обед белым хлебом и вином, / Король Мидас с большими ослиными ушами / 64. Превращал свою пищу в чистое золото, / Королю Вакху, увенчанному виноградом, / На свадьбе воздали должное; / Тут Леда раздавила свои яйца / 68. С четырьмя прославленными детьми, / После обеда каждый, подражая Пигмалиону, / Сотворил молитву, / Благодаря Бога за то, что он им послал, / 72. Чтобы украсить прелестный цветок. (VII) Танцевать на празднике пришел Пирам / В сопровождении прекрасной Фисбы, / За ними Ворон, черная птица, / 76. Вел Сороку, хитрость, окутанную плащом, / Ясон вел влюбленную Медею; / Никтимена, стыдливая совушка, / Хотела спеть, но не знала ни одной ноты. / 80. Тогда Аполлон на новой арфе / Сыграл им некую песнь, / Пан же дул в свою флейту, / А Орфей настраивал виолу, / 84. Чтобы украсить прелестный цветок».

Так, Плутона «накормили на обед белым хлебом и вином» (ст. 61–62). Под этой пищей, разумеется, понимается причастие: владыка Ада обращается в христианство и отказывается, надо думать, от своих зловещих замыслов; эта метафора указывает на полную и окончательную победу добродетелей над силами зла. В той же строфе говорится о Вакхе, которому «на свадьбе воздали должное» (ст. 65–66). Поэт отсылает, с одной стороны, к Вакху — богу вина, с другой — к отождествлению Вакха с Христом, которое приводит, в частности, «Морализованный Овидий» [21, t. 1, livre 3, p. 365–368, v. 2740–2803]²³, на это последнее значение Вакха указывает образ причастника Плутона.

В той же строфе содержится и загадочное упоминание о Леде и ее яйцах (или яйце), причем в данном случае расхождение между текстом, напечатанным Дюпиром, и текстом, который приводит М. Зуппан, в высшей степени значимо. В тексте Дюпира Леда «раздавила высиженные яйца / С четырьмя прославленными детьми» (ст. 67–68). Эти стихи восходят к главе трактата Боккаччо, где тот противопоставляет Фульгенция, считавшего, что Леда снесла одно яйцо с тремя детьми (Кастором, Поллуксом и Еленой), и тех, кто полагал, что она снесла два яйца, в одном из которых были Кастор и Поллукс, в другом — Елена и Клитемнестра [6, lib. II, cap. 7, p. 546]. «Морализованный Овидий» следует Фульгенцию: здесь говорится о трех детях Леды — Елене, Касторе и Поллуксе. Также и в тексте М. Зуппан речь идет о «Леде, раздавившей свое яйцо с тремя прославленными детьми» [16, p. 100]²⁴. Таким образом, в тексте Дюпира стих о Леде, скорее всего, был исправлен по более позднему гуманистическому источнику.

Для поэта были важны и значения, которыми миф о Леде и ее детях наделялся в «Морализованном Овидии». Здесь пересказ этого мифа вплетается в историю Париса и Елены, а также начала Троянской войны [21, t. 4, livre 12, p. 237, v. 256–261; p. 242, v. 419–427]. Ассоциации между

23 Эпитет «увенчанный виноградом» («couronné de roisin»), которым наделен Вакх, в «Морализованном Овидии» не встречается, но отсылает, скорее всего, непосредственно к латинскому тексту «Метаморфоз» («racemiferis frontem circumdatus uvis» — «увенчав чело себе лозами в гроздьях» [22, lib. 3, p. 64, v. 666]; [2, c. 98]. Этот эпитет нам не встретился у Боккаччо.

24 «Alors Leda croqua son œuf couvry / De trois enfans qui eurent grant renom». Издательница отмечает, что на самом деле у Леды было четверо детей, не учитывая ни традицию, восходящую к Фульгенцию, ни замечание Боккаччо [16, p. 100, прим. 1].

яйцами (или яйцом) Леды, рождением Елены и ее похищением, приведшем к началу войны, позволяют нашему поэту противопоставить Елену и Флору. В самом деле, рождение Елены и ее похищение привели к гибели Трои, тогда как врагам Зефира и Флоры не удалось похитить невесту. На свадебном пиру Леда «раздавила свои яйца», Елена не родилась, не состоялось ее похищение, а вместе с тем и все бедствия. Ироническое упоминание мифа о Леде и ее детях, помещенное в описание свадебного пира, где яйца Леды становятся блюдом, указывает, что планам похищения Флоры не суждено осуществиться. В той же строфе автор вспоминает и о Мидасе, который «превращал свою пищу в чистое золото» (ст. 64): Мидас дополняет картину гротескного пира, на котором пирующие потребляют несъедобные или негодные для них блюда, не преминув, однако, завершить его благодарственной молитвой «в подражание Пигмалиону» (ст. 69–71).

Ссылка на эту молитву вносит в картину пира дополнительный иронический штрих: Пигмалион приносил благодарность Венере не за пищу, но за то, что она наградила его возлюбленной²⁵. Пирующие, которых надо отождествить со сторонниками зла, благодарят бога за событие, которому пытались противодействовать, — счастливое соединение Зефира и Флоры, — и торжествуют собственное поражение; таков, как кажется, смысл этой причудливой строфы.

Картина бала (строфа 7) сходна с картиной пира: она также указывает на полную победу добродетелей и иронизирует над бессилием их врагов. Здесь упоминаются две пары танцующих — Пирам и Фисба, Ясон и «влюбленная» Медея («*amougeuse*», v. 77), которые, по-видимому, символизируют силы добра. В «Морализованном Овидии» Пирам и Фисба аллегорически означают Христа и его мученицу, Ясон и Медея — Христа и девственность, эти пары знаменуют, надо полагать, торжество христиан²⁶. К ним, однако, присоединяется третья пара — Ворон и Сорока,

25 Овидий в «Метаморфозах» не приводит молитву Пигмалиона, обращенную к Венере, но лишь констатирует, что герой отблагодарил богиню [22, lib. X, p. 204, v. 290–291]; автор «Морализованного Овидия» разворачивает констатацию в полноценный монолог [21, t. 4, livre 10, p. 36, v. 1057–1069]. Ссылка автора поэта на эту молитву — одно из свидетельств его обращения к «Морализованному Овидию».

26 В главе, посвященной Медее [6, lib. 4, cap. 12, p. 169–171], Боккаччо не пишет о ее любви к Ясону, сразу же переходя к женитьбе Ясона на Креусе и мести Медеи. Напротив, автор «Морализованного Овидия» значительно амплифицирует монолог Медеи, присутствующий уже у самого Овидия, которая пытается преодолеть свою любовь к Ясону. Ср. [22, lib. 7,

причем последняя названа «хитростью, окутанной плащом» («le blancque emmantelee», ст. 76)²⁷.

Эти герои попали на свадебный бал из истории дочерей Кекропа («Метаморфозы», кн. 3), где рассказано, как Ворон сообщает Фебу об измене его возлюбленной Коронида и за это одевается черным оперением; со своей стороны, дочь Короней (Сорока, *Cornix* [лат.] в «Поэтическом сочинении»), узнает о тайне Миневры, рождении сына Эрихтония, и превращается в сороку; Минерва изгоняет ее со своей службы, заменяя совой Никтименой. В нашей поэме Ворон и Сорока сохраняют свои отрицательные коннотации, которыми обладали и у Овидия, и в еще большей степени в «Морализованном Овидии», где они представлены как сплетники и злоязычные люди, враги христиан²⁸; сходным образом Сорока охарактеризована и в «Поэтическом сочинении». Но эти герои лишаются способности нанести вред Зефиру и Флоре, вслед за ними следует «стыдливая совушка» Никтимена, каковая «желала бы спеть, но не знала ни одной ноты» (ст. 78–79). Поэт обыгрывает здесь разные значения глагола «chanter» — петь и сплетничать, злословить: победа христиан лишает Никтимену этой последней способности.

В конце строфы упомянута музыка оркестра, состоящего из арфы Аполлона, флейты Пана и виелы, которую настраивает Орфей (ст. 80–83). Одно из определений, которые поэт выше дает Мидасу, вспоминая о его ослиных ушах (ст. 63), уже предвещало его появление. Характеристика Мидаса отсылает к тому эпизоду его истории, когда он как судья принимает участие в поэтическом споре Пана и Феба и из-за своей грубости выносит неверное суждение, признавая превосходство первого; Феб карает его, награждая ослиными ушами.

Аллегорические значения, какие автор «Морализованного Овидия» сообщает Пану и другим музыкантам, помогают понять смысл этих строк.

р. 127–129, v. 11–71; 82–94]; [21, t. 3, livre 7, p. 22–27, v. 317–474; 489–538]. Эпитет «влюбленная», сопровождающий имя Медеи, отсылает, вероятно, к «Морализованному Овидию».

27 См. [11, p. 655, 658], где приводится значение прил. *blanc, blancq* — льстивый; сущ. *blanche, blange* — лесть, хитрость, обман.

28 В «Морализованном Овидии» Короней «болтлива, как сорока, шпионила за своей госпожой», «хитра и болтлива, и за то и была превращена в сороку» [21, t. 1, livre 2, p. 229, v. 2663–2666; 2711–2712]; далее она сравнивается с синагогой [21, p. 233, v. 2914–2920]. Ворон назван лживым клеветником и затем отождествляется с дьяволом [21, t. 1, livre 2, p. 225–226, v. 2522–2532; p. 227–228, v. 2607–2622]. Никтимена за свою связь с отцом названа воплощением язычников [21, t. 1, livre 2, p. 234, v. 2930–2934].

Аполлон у него подлинный святой [21, t. 4, livre 11, p. 138–139, v. 876–884; 899–901], тогда как Пан — лицемер и льстец, который ложными похвалами превозносит человека, приверженного мирским благам и почестям [21, t. 4, livre 11, p. 137, v. 832–839; p. 139, v. 934–941]. Ценитель Пана Мидас наделен «грубым», «желчным умом» («rude intelligence», v. 739; «le sens amer et rude», v. 945), «грубым слухом» («rude oïement», v. 943), он любит «пустые хвалы» (v. 944, «des vains éloges») [21, t. 4, livre 11, p. 135; 140]. Вслед за «Морализованным Овидием» поэт противопоставляет, по-видимому, грубое искусство — подлинному, неотесанный и неразборчивый ум, падкий на лесть, — ценителю утонченного мастерства, и не исключено, что эти противопоставления он соотносит с самим собой и своими возможными соперниками.

Орфей, который «настраивает виелу» (ст. 83), замыкает перечень музыкантов. В Средние века виела и арфа не были строго противопоставлены — так, толкуя историю Орфея, поэт «Морализованного Овидия» пишет об арфе и смычке [21 t. 4, livre 10, p. 72, v. 2658]. Можно предположить, что и в стихе об Орфее речь идет о роде арфы — инструменте, которым этот музыкант наделялся по традиции. А если так, этот стих «Поэтического сочинения» более всего отсылает к аллегории арфы из «Морализованного Овидия», где говорится и о ее настройке. Аллегорическое толкование арфы имеет давнюю традицию, отразившуюся в трудах многих богословов²⁹. На этом фоне аллегория «Морализованного Овидия» отличается детализацией: аллегорическое значение получают колки, на которые натянуты струны, по большей части соотнесенные со стихами Символа веры, струны аллегорически сравниваются с добродетелями, а также заповедями блаженств³⁰. Аллегория отождествляет арфу и Церковь, согласие струн и согласие христиан:

Oez com cil doit atemper
Sa harpe qui bien veult harper

29 Об аллегории арфы у отцов Церкви см. [3, с. 589–714]. Об аллегории арфы у Жана Молине см.: [20, p. 197–218].

30 Аллегория арфы, которая приводится в «Морализованном Овидии», сходна с аллгорией псалтыри у Храбана Мавра. Ср. [4, с. 50] со ссылкой на сочинение Храбана [23, col. 346], где струны псалтыри соотносятся с десятью заповедями, а инструмент в целом символизирует Церковь.

Et chanter acordablement.
Avoir doit en cest estrument
Sept cordes sonans d'un acort,
Sans dissence et sans desacort,
Quar tous soit li sons dessamblables
Doit il estre ensamble acordables,
Sans avoir discordance en soi.
Sa harpe est la comune foi
Que crestien doivent tenir
Et tuit cil qui vuelent venir
A la planesce de l'iglise [21, t. 4, livre 10, p. 72, v. 2578–2590].

Послушайте, как тот, кто хочет
Складно играть на арфе и петь,
Должен ее настроить.
У этого инструмента
Должно быть семь струн,
Звучащих вместе,
Так чтобы между ними не возникало диссонанса или разногласия.
Хотя все звуки различны,
Они должны быть приведены в согласие друг с другом,
Между ними не должно быть противоречия.
Арфа Орфея — общая вера,
Которой должны держаться христиане
И все, кто хотят прийти
В Церковь.

В других аллегорических комментариях «Морализованного Овидия» Орфей не раз назван великим поэтом, арфистом и певцом³¹. По-видимому, Орфей, настраивающий свой инструмент, соединяет эти значения — это музыкант и поэт, который гармонией стиха способен сообщить поэзии нравственное христианское значение. Добавим также, что стихи об Орфее из нашей поэмы — отзвук аллегории из «Морализованного Овидия» —

31 Ср. [21, t. 4, livre 11, p. 118, v. 44]: «poëte, <...> chanteour»; [21, t. 4, livre 11, p. 120, v. 137]: «poëte de grant renom».

напоминают об интересе к аллегории музыкальных инструментов, который явным образом отразился в поэзии Молине, в частности, в его «Маленьком сочинении об арфе».

Помимо «Морализованного романа о Розе», Зефир и Флора фигурируют в весеннем зачине прозиметра Молине «Корона для Дам» (*Le Chapelet des Dames*), написанном по случаю рождения Филиппа Красивого, сына Марии Бургундской и Максимилиана Австрийского. Этот мифологический план сближает нашу поэму и этот прозиметр. Не исключено, что она посвящена той же паре, представленной в образах Зефира и Флоры. В самом деле, обстоятельства свадьбы этих персонажей обладают сходством с обстоятельствами бракосочетания Максимилиана и Марии, которому, как известно, противился Людовик XI, желавший одно время женить на Марии своего сына Карла; в это же время Людовик XI предпринял против Бургундии военные действия³². С Людовиком XI в этом случае можно отождествить Борея; поэму же надо будет признать произведением Молине.

Однако в особенности важно, что у Молине есть и другие подобные поэмы, состоящие из перечня мифологических имен, тогда как у Роберте их нет. Эти поэмы Молине содержат немало мифологических фигур, которые встречаются и в «Поэтическом сочинении», причем далеко не самых известных³³; порой они включают и одинаковые словосочетания.

Так, в загадочной поэме «Битва двух богинь» («*La bataille des deux deesses*»), упоминаются Мидас (ст. 43), Каллисто (ст. 53), Cornix — Сорока (ст. 82), Европа (ст. 116); здесь же говорится и о «Пане, игравшем на своей флейте» («*Pan sonna sa calemelle*», v. 14), а также о Леде: «Приняв форму лебедя, он заставил Леду / Снести яйцо, из скорлупы которого вышла Елена» («*Et par un cygne il fit ponre a Leda / L'oeuf dont Helaine issy hors de l'escaille*», ст. 119–120:). Здесь же, наконец, содержится и словосочетание «место, где живет Тантал» («*l'hostel Tantalus*», ст. 124) [15, т. 2, р. 709–713]³⁴. Последнее повторяется в балладе «Стремясь смелостью превзойти Мирмидонов» («*Des*

32 О попытках Людовика XI воспрепятствовать браку Марии и Максимилиана, а также военных действиях, которые он предпринял в этой связи, см., в частности: [18, р. 371–391; р. 542, прим. 3]; [8, р. 729–741].

33 О влиянии трактата Боккаччо на произведения Молине см., в частности: [17, р. 286–302].

34 Об этой поэме см.: [24, р. 219–231]; впрочем, смысл ее остается не вполне проясненным.

Mirmidons la hardiesse entreprendre»). Из не столь частотных мифологических фигур в балладе о Мирмидонах упоминаются Аглавра, Тритон и Феба [14, р. 242–243]. В «Искусстве риторики» Молине вновь вспоминает о «флейте Пана, которая обманула короля Мидаса» («Ne la chalemelle de Pan qui abusa le roy Midas...» [14, р. 217]), эта фраза переключается с «Поэтическим сочинением». Эти, а также другие схождения между «Поэтическим сочинением» и произведениями Молине заставляют признать его автором интересующей нас поэмы.

Итак, автор «Поэтического сочинения» имел представление об общем плане трактата Боккаччо и содержании некоторых его глав. Он, возможно, обращался к книге Тортелли, отсылал к «Энеиде», цитировал отдельные стихи «Метаморфоз». Однако вкус к учености гуманистического образца не затмевал в его глазах и античные образы, транслированные Жаном де Меном.

Впрочем, те же самые стихи «Метаморфоз», которые он цитировал, приводил и Боккаччо, и не исключено, что поэт узнал их из его же трактата, тем более что он не всегда правильно понимал грамматический строй поэмы Овидия. «Морализованный Овидий» оставался для него важнейшим источником знаний о содержании «Метаморфоз». При этом поэт стремился придать своему произведению лоск античной учености, наделяя богов латинизированными именами (Vulcanus вместо франц. Vulcan, Dorida) или же используя латинские существительные как имена собственные (Cognus, лат. — Ворон, Cognix, лат. — Сорока).

Не удивительно, что христианское толкование античных мифов не было ему чуждым. Из «Морализованного Овидия» в его произведение попали персонажи, которые ассоциировались с пороками, добродетелями, праведниками или Христом. Последняя строфа поэмы, объясняющая ее «моральный смысл», не представляет собой позднейшее дополнение, как предполагала М. Зуппан; она является неотъемлемой частью этого произведения. Иногда прямо цитируя «Морализованный Овидий», иногда иронически используя его образы, поэт намекает на собственное видение поэзии, в котором интерес к античности соединяется с христианским аллегоризмом и служит созданию политического панегирика, обращенного к конкретным лицам. И такое понимание поэзии, и многие античные образы, кото-

рые сюда включены, сближают «Поэтическое сочинение» с поэмами Жана Молине.

Список литературы

- 1 *Вергилий*. Энеида // *Вергилий*. Буколики, Георгики, Энеида / пер. С. Ошерова под ред. Ф. Петровского. М.: Худож. лит., 1979. С. 137–402.
- 2 *Овидий*. Метаморфозы / пер. С. Шервинского. М.: Худож. лит., 1977. 430 с.
- 3 *Петров В.В.* Киннор, кифара, псалтерий в иконографии и текстах // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков: исследования и переводы / ред. М.С. Петрова. М.: Круг, 2010. С. 499–718.
- 4 *Петров В.В.* Кифара и псалтерий в символической органологии Античности и раннего Средневековья // Историко-философский ежегодник № 2008. М.: Наука, 2009. С. 27–51.
- 5 *Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 492 с.
- 6 *Vossaccio*. Genealogie deorum gentilium libri / Ed. V. Romano. Т. 1–2. Bari: Gius. Laterza e Figli, 1951. 785 p.
- 7 *Douglas C.M.* A Critical Edition of the Works of Jehan and François Robertet (1962). Published by ProQuest LLC (2016). 562 p.
- 8 *Favier J.* Louis XI. Paris: Le grand livre du mois, 2001. 1019 p.
- 9 *Guillaume de Lorris et Jean de Meun*. Le Roman de la Rose / Éd. A. Strubel. Paris: Librairie Générale Française, 1992. 1150 p.
- 10 *Ghisalberti F.* Arnolfo d'Orléans. Un cultore di Ovidio nel secolo XII // Memorie del Reale istituto lombardo di scienze e lettere. Classe di lettere, scienze morali e storiche, 1932. V. 24. P. 157–232.
- 11 *Godefroy F.* Dictionnaire de l'ancien français et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle. Paris: F. Vieweg, Librairie-Éditeur, 1881. Т. 1. 799 p.
- 12 *Hyginus*. Fabulae / Ed. H.I. Rose. Lugduni Batavorum: A.W. Sijthoff. 1967. 219 p. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost02/Hyginus/hyg_fcpar.html (дата обращения: 20.02.2019).
- 13 *Jean Molinet*. C'est le romant de la rose moralisé cler et net translaté de rime en prose par vostre humble Molinet. Paris: Antoine Vérard, 1511. 181 л.
- 14 *Jean Molinet*. L'Art de rhétorique // La Muse et le Compas: poétique à l'aube de l'âge moderne / Éd. J.-Ch. Monferran. Paris: Classiques Garnier. 2015. P. 217–296.
- 15 *Jean Molinet*. Les Faictz et dictz de Jean Molinet / Éd. N. Dupire. Т. 1–2. Paris: Société des Anciens Textes Français, 1936–1937. 925 p.
- 16 *Jean Robertet*. Œuvres / Éd. M. Szuppan. Genève: Droz, 1970. 212 p.

- 17 *Joukovsky-Micha F.* La mythologie dans les poèmes de Jean Molinet // Romance Philology. 1967–1968. Т. 21. P. 286–302.
- 18 *Kendall P. M.* Louis XI: «l'universelle araigne» / trad. de l'anglais par E. Diacon. Paris: Club français du livre. 1974 (первое изд. 1971). 584 p.
- 19 *Lummus D.* Boccaccio's Poetic Anthropology: Allegories of History in the Genealogie deorum gentilium libri // Speculum. 2012. Т. 87. P. 724–765.
- 20 *Minet-Mahy V.* Le recyclage des métaphores dans la littérature allégorique: de l'histoire du sens à la création poétique. L'image de la harpe et de l'harmonie universelle // Medieval Manuscripts in Transition: Tradition and Creative Recycling / Ed. G.H.M. Claassens, W. Verbeke. Leuven: Leuven University Press, 2006. P. 197–218.
- 21 «Ovide moralisé». Poème du commencement du quatorzième siècle / Ed. C. De Boer. Т. 1–5. Amsterdam: Johannes Müller, 1915–1938. Т. 1: 373 p. Т. 2: 395 p. Т. 3: 303 p. Т. 4: 478 p. Т. 5: 429 p.
- 22 *Ovidius.* Metamorphoses / Ed. R. Merkel. Lipsiae: Teubneri, 1903. Т. 2. 329 p.
- 23 *Rabani Mauri.* Commentaria in Paralipomena // Patrologia latina / J.-P. Migne. Т. 109. Parisiis: J.-P. Migne, 1886. Col. 279–540.
- 24 *Thonon S.* Le «Purgatoire d'Amours» et la «Bataille des deux deesses»: l'envers de la tapisserie // Lettres romanes, numéro spécial. «A l'heure encore de mon écrire». Aspects de la littérature de Bourgogne sous Philippe le Bon et Charles le Téméraire / Éd. C. Thiry. Louvain-la-Neuve: Université Catholique de Louvain. 1997. P. 219–231.
- 25 *Tortellii I.* Commentariorum grammaticorum de orthographia dictionum et graecis tractarum prooemium. Treviso: Michael Manzolinvs Parmensis, 1479. [Ca. 200 p.]
- 26 *Vergilius Maro [P. Vergilius Maro].* Æneis / Ed. G.B. Conte. Berolini et Novi Eboraci: De Gruyter, 2009. 429 p.

References

- 1 Vergilii. Eneida. [Virgil. Aeneid]. Vergilii. *Bukoliki, Georgiki, Eneida* [Virgil. *Eclogues, Georgics, Aeneid*], transl. by S. Oshero. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1979, pp. 137–402. (In Russ.)
- 2 Ovidii. *Metamorfozy* [Ovid. *The Metamorphoses*], transl. by S. Shervinskii. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1977. 430 p. (In Russ.)
- 3 Petrov V.V. Kinnor, kifara, psalterii v ikonografii i tekstakh [Kinnor, Cithara, Psaltery in Iconography and Texts]. *Intellektual'nye traditsii Antichnosti i Srednikh vekov: issledovaniia i perevody* [Intellectual Traditions of Antiquity and the Middle Ages (Studies and Translations)], ed. by M.S. Petrova. Moscow, Krug Publ., 2010, pp. 499–718. (In Russ.)
- 4 Petrov V.V. Kifara i psalterii v simvolicheskoi organologii Antichnosti i rannego Srednevekov'ia [Cithara and Psaltery in the Symbolical Organology of Antiquity and the Early Middle Ages]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik no 2008* [Philosophy Yearbook 2008]. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 27–51. (In Russ.)

- 5 Iustin. *Epitoma sochineniia Pompeia Troga "Historiae Philippicae"* [Justin. *Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus*], transl. by A.A. Dekonskii, M.I. Rizhskii. St. Petersburg, University of St. Petersburg Publ., 2005. 492 p. (In Russ.)
- 6 Boccaccio. *Genealogie deorum gentilium libri*, ed. V. Romano. T. 1–2. Bari, Gius. Laterza e Figli, 1951. 785 p. (In Latin)
- 7 Douglas C.M. *A Critical Edition of the Works of Jehan and François Robertet* (1962). Published by ProQuest LLC (2016). 562 p. (In English and in French)
- 8 Favier J. *Louis XI*. Paris, Le grand livre du mois, 2001. 1019 p. (In French)
- 9 Guillaume de Lorris et Jean de Meun. *Le Roman de la Rose*, éd. A. Strubel. Paris, Librairie Générale Française, 1992. 1150 p. (In French)
- 10 Ghisalberti F. Arnolfo d'Orléans. Un cultore di Ovidio nel secolo XII. *Memorie del Reale istituto lombardo di scienze e lettere. Classe di lettere, scienze morali e storiche*, 1932, v. 24, pp. 157–232. (In Italian and in Latin)
- 11 Godefroy F. *Dictionnaire de l'ancien français et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle*. Paris, F. Vieweg, Librairie-Éditeur, 1881. T. 1. 799 p. (In French)
- 12 Hyginus. *Fabulae*, ed. H.I. Rose. Lugduni Batavorum, A.W. Sijthoff, 1967. 219 p. Available at: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost02/Hyginus/hyg_fcap.html (Accessed 20 February 2019) (In Latin)
- 13 Jean Molinet. *C'est le romant de la rose moralisié cler et net translaté de rime en prose par vostre humble Molinet*. Paris, Antoine Vêrard, 1511. 181 f. (In French)
- 14 Jean Molinet. L'Art de rhétorique. *La Muse et le Compas: poétique à l'aube de l'âge moderne*, éd. J.-Ch. Monferran. Paris, Classiques Garnier, 2015, pp. 217–296. (In French)
- 15 Jean Molinet. *Les Faictz et dictz de Jean Molinet*, éd. N. Dupire. T. 1–2. Paris, Société des Anciens Textes Français, 1936–1937. 925 p. (In French)
- 16 Jean Robertet. *Œuvres*, éd. M. Szuppan. Genève, Droz, 1970. 212 p. (In French)
- 17 Joukovsky-Micha F. La mythologie dans les poèmes de Jean Molinet. *Romance Philology*, 1967–1968. T. 21, pp. 286–302. (In French)
- 18 Kendall P.M. *Louis XI: "l'universelle araigne"*, trad. de l'anglais par E. Diacon. Paris, Club français du livre, 1974 (first ed. 1971). 584 p. (In French)
- 19 Lummus D. Boccaccio's Poetic Anthropology: Allegories of History in the Genealogie deorum gentilium libri. *Speculum*. T. 87. 2012, pp. 724–765. (In English)
- 20 Minet-Mahy V. Le recyclage des métaphores dans la littérature allégorique: de l'histoire du sens à la création poétique. L'image de la harpe et de l'harmonie universelle. *Medieval Manuscripts in Transition: Tradition and Creative Recycling*, ed. G.H.M. Claassens, W. Verbeke. Leuven, Leuven University Press, 2006, pp. 197–218. (In French)
- 21 "Ovide moralisé". *Poème du commencement du quatorzième siècle*, éd. C. De Boer. T. 1–5. Amsterdam, Johannes Müller, 1915–1938. T. 1: 373 p. T. 2: 395 p. T. 3: 303 p. T. 4: 478 p. T. 5: 429 p. (In French)

- 22 Ovidius. *Metamorphoses*, ed. R. Merkel. Lipsiae, Teubneri, 1903. T. 2. 329 p. (In Latin)
- 23 Rabani Mauri. Commentaria in Paralipomena. *Patrologia latina*, éd. J.-P. Migne. Parisiis, J.-P. Migne. 1886. T. 109. Col. 279–540. (In Latin)
- 24 Thonon S. Le “Purgatoire d’Amours” et la “Bataille des deux deesses”: l’envers de la tapisserie. *Lettres romanes, numéro spécial. “A l’heure encore de mon écrire”. Aspects de la littérature de Bourgogne sous Philippe le Bon et Charles le Téméraire*, éd. Claude Thiry. Louvain-la-Neuve, Université Catholique de Louvain. 1997, pp. 219–231. (In French)
- 25 Tortellii I. *Commentariorum grammaticorum de orthographia dictionum et graecis tractarum prooemium*. Treviso, Michael Manzolinvs Parmensis, 1479. [Ca. 200 p.] (In Latin)
- 26 Vergilius Maro [P. Vergilius Maro]. *Æneis*, ed. G.B. Conte. Berolini et Novi Eboraci, De Gruyter, 2009. 429 p. (In Latin)